



EDN: AXLRZB

Страница главного редактора

Editorial

О НЕОБХОДИМЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В УПРАВЛЕНИИ НАУКОЙ

Начиная с 2022 г. и, очевидно, надолго радикально изменились условия развития российской науки, но система управления наукой, сформированная в 2012–2013 гг. в других условиях, остаётся прежней, не приспособленной к новым вызовам и реалиям. И управленческому, и научному сообществу необходимо осознать, что требуется системный пересмотр современных вызовов и угроз, актуальных целей и задач, действенных механизмов и инструментов управления наукой. Фрагментарные изменения в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, произведённые в феврале 2024 г., лишь в слабой степени отражают глубину проблем развития российской науки в сложившихся исторических условиях.

Что изменилось в условиях развития российской науки? Два из произошедших изменений имеют принципиальное значение. Во-первых, произошло отторжение российской науки доминирующим в мировой науке западным её сегментом. Прежние сотрудничество и кооперация сменились политикой внешнего принуждения российской науки к изоляции, автаркии и деградации, для предотвращения которых отечественной науке требуется и внутренне переформироваться, и целенаправленно прорывать искусственную изоляцию везде, где это возможно. Во-вторых, объективно изменилась роль науки в развитии страны, т. к. от практического использования и наращивания её потенциала принципиально зависит, насколько стране в условиях санкционного подавления её развития удастся избежать технологического отставания и деградации важнейших сфер практики, включая экономику, военную сферу, здравоохранение, образование, управление. Необходимость выживания страны изменила её потребность в собственной науке и требует её переформатирования, а также новой, адекватной вызовам, системы управления наукой.

Что представляет собой модель управления наукой в России в последнее десятилетие? Это модель административного управления. Она в принципе неэффективна из-за своего несоответствия природе науки как объекта управления. Сохранение этой модели в современных условиях нецелесообразно.

Возвращение в 2012–2013 гг. к административным принципам управления наукой привело не к восстановлению старой советской административной модели, а к созданию новой «современной» модели, основанной на

оценивании науки по библиографическим показателям публикационной активности и её принуждении к производству показателей вместо производства знаний, изделий, технологий и компетенций. Можно выделить по крайней мере пять существенных изменений в управлении российской наукой, произошедших в 2012–2013 гг. и в последующее время, которые говорят о возвращении к принципам административного управления.

Во-первых, вертикаль управления наукой была достроена на самом верху ещё одним звеном – учреждена должность помощника Президента по научным вопросам, которому подчинено созданное для этого управление, состоящее из четырёх департаментов, то есть образована довольно развёрнутая аппаратная структура. По полномочиям и функциям она очень близка к отделу науки ЦК КПСС.

Во-вторых, административная вертикаль в науке была достроена нижним звеном, погружённым непосредственно в научные организации. Должности директоров, заместителей директоров научных организаций, а также руководителей подразделений вплоть до первичных научных групп, то есть секторов и лабораторий, выведены из числа научных должностей и на них стало возможно назначать чиновников, менеджеров, далёких от науки, но удобных для отчётности, а это сейчас самое востребованное в системе управления. Удобно, но вредно для науки.

В-третьих, академические корпорации (РАН и другие академии, имеющие государственный статус) отстранены от непосредственного управления научными организациями, их функции переданы корпорации чиновников.

В-четвёртых, упразднены работавшие с первой половины кризисных 1990-х гг. и достаточно хорошо зарекомендовавшие себя Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) – ликвидированы соответственно в 2022 и в 2015 гг. Для финансирования научных проектов на конкурсных или квазиконкурсных основах созданы два новых монопольных фонда – Российский научный фонд (РНФ) и Фонд перспективных исследований (ФПИ), соответственно, для гражданского и оборонного секторов науки.

В-пятых, вместо содержательной экспертной оценки научной деятельности и её результатов введена система оценивания научных организаций, проектов и отдельных исследователей по специфическому набору библиометрических показателей публикационной активности. Эта система доступна чиновникам любого уровня квалификации, и она делает совершенно бесполезными всевозможные учёные, научные, экспертные советы.

Внедрение новой административной модели управления наукой означало демонтаж остатков самоорганизации научного сообщества (ослабление РАН, упразднение РФФИ и РГНФ), утверждение принципов администрирования в науке (подчинение научных организаций непосредственно корпорации чиновников, превращение должностей организаторов научного процесса в чиновничьи должности) и замену содержательного оценивания научной деятельности и её результатов системой формальных отчётных показателей.

Что в административной системе управления наукой принципиально не соответствует природе объекта управления и что требуется сделать с учётом новых вызовов?

Достройка вертикали управления наукой верхним её звеном является разумным и оправданным решением. При том устройстве системы управления в стране, которое сложилось в постсоветский период, когда главные функции стратегического планирования и управления отошли к Администрации Президента РФ, для науки, как и любой другой сферы деятельности, представленность её интересов на верхнем этаже власти является жизненно необходимой. Организационное оформление, функциональное и кадровое наполнение этого звена системы управления наукой могут обсуждаться, но сам факт его создания имеет положительное значение. Фактические результаты деятельности этого звена управления наукой нуждаются в добросовестном анализе и честной оценке.

Достройка вертикали управления наукой её нижним административным звеном непосредственно в структуре научных организаций является вредным для научного производства решением, нарушающим необходимый баланс администрирования и самоорганизации. Это решение основывается на том, что всеми процессами должны управлять не специалисты, разбирающиеся в этих процессах, а менеджеры (по факту – чиновники), являющиеся универсальными специалистами в управлении. В результате вместо корпуса учёных-организаторов научного процесса появляется корпус посторонних для науки администраторов.

Но организация научного производства и на уровне национальной научной системы, и на уровне входящих в её состав научных организаций предполагает управление объектом и как производственно-технологической системой (производство знаний, компетенций, изделий, технологий), и как деловой – экономической или бизнес-системой (финансы, связь с рынком), и как социосистемой (научное сообщество, коллектив). В сфере науки из-за высокой сложности производственно-технологического процесса и научной среды управление традиционно осуществлялось авторитетными высококвалифицированными учёными, обладающими к тому же организаторскими способностями и реальными успехами. Замена категории организаторов науки на чиновников-менеджеров, владеющих в основном искусством освоения бюджетного финансирования и отчётности (в российских условиях это именно так), является ошибкой, которую необходимо исправлять. В науке должности руководителей любого уровня – это должности, на которых эффективно работать могут именно и только научные организаторы, понимающие производственный процесс и авторитетные в профессиональной научной среде. Управленческий блок в науке, разумеется, должен иметь в своём составе и «деловых» специалистов (на уровне научной организации это заместители директора по общим вопросам и по развитию; в современных условиях – ещё по финансам и информационному обеспечению).

Отстранение научных корпораций от управления научными организациями и их современный статус в науке требуют объективного анализа и оценки. Это решение не было случайным, оно связано с во многом обоснованной утратой доверия руководства страны «академикам» и российскому научному сообществу в целом. За два постсоветских десятилетия – к 2013 г. – это доверие критически истончилось, что имеет свои причины, неоднократно ясно

сформулированные в 2004–2012 гг. министром науки того времени, связанные с фактическим неучастием академических корпораций в формировании приоритетов научно-технологического развития и инновационной системы. Но справедливость требует отметить и истончение доверия научного сообщества министерскому руководству из-за неумения последнего организовать процесс работы с научными организациями, как это было во времена ГКНТ СССР, когда государственные органы управления умели организовать работу АН СССР, других союзных и республиканских госакадемий и сотен научных организаций, в т. ч. отраслевых, по разработке, например, комплексных программ научно-технического прогресса, рассчитанных на 20-летний период и обновлявшихся каждые пять лет при подготовке пятилетних планов развития народного хозяйства. В части статуса академических корпораций и их функций в управлении научным производством нужны тщательно выверенные действия по корректировке решений, принятых в 2013 г. Простых решений здесь нет.

Ещё сложнее обстоит дело с ликвидацией РФФИ и РГНФ. Решение ошибочное и вредное для национальной науки, но простым воссозданием фондов исправить его невозможно. Эти фонды поддержки науки создавались в кризисных условиях подвижниками и энтузиастами из числа советских учёных. За три десятилетия всё изменилось, в т. ч. нет уже и самого того типа учёных, которые создавали эти научные республики. Но возрождение самоорганизации научного сообщества во всех формах (учёные советы научно-исследовательских организаций и университетов, научные общества и ассоциации и т. д.), совместимых с реалиями времени, жизненно необходимо. На администрировании и бюрократизме научно-технологическое развитие страны не построить.

Решение о замене содержательной оценки научной деятельности и её результатов на оценку науки по набору библиометрических показателей публикационной активности основано на принципиально ложном представлении о возможности замены качественных методов количественными. Этим решением в науке была фактически устранена существовавшая система научной приёмки, аналогичная институту государственной приёмки в сфере материального производства. Количественные показатели являются ценным вспомогательным инструментом, но не универсальным механизмом в оценивании науки. Именно так с 2022 г. определяется роль методов качественной и количественной оценки деятельности исследователей, проектов, организаций в Европе. В России тоже необходимо отказаться от заимствованного из Европы прежнего библиометрического обскурантизма и воссоздать систему качественного научного и практического оценивания науки (своего рода приёмку) с помощью экспертизы, осуществляемой на основе возрожденных научных советов и ассоциаций.

Е. В. Семёнов